

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ В ФИННО-УГОРСКИХ СЕМЬЯХ МОРДВЫ И УДМУРТОВ (опыт анализа семейных историй)

Дадаева Татьяна Михайловна,

*доктор социологических наук, профессор кафедры социологии
ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва»
(г. Саранск, РФ), dadaeva13@mail.ru*

Мотькин Владислав Николаевич,

*кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник отдела социопарк
ГКУ РМ «НЦСЭМ»
(г. Саранск, РФ), vlad.motkin@mail.ru*

Введение. Историческая память определяет отношение человека к стране, к своему народу, этносу и другим группам, с которыми он себя идентифицирует. В формировании исторической памяти участвуют не только государство, которое заинтересовано в воспитании чувства патриотизма и гражданственности у молодого поколения, но и такие социальные институты как семья, школа, вуз, СМИ и др. Семья приобщает индивида к социальному опыту прошлого, поскольку закладывает фундамент личности, формирует самосознание, любовь к малой родине, к ее прошлому. Семейная память входит в память историческую, ибо не существует истории семьи вне истории страны.

Материалы и методы. В статье представлен анализ качественных исследований – полуструктурированных интервью – с целью выявления роли семьи в процессе формирования исторической памяти молодежи в финно-угорских семьях мордвы и удмуртов. Были проведены 28 интервью (опрошены 14 семей мордвы и 14 – удмуртов). Исследование включало изучение основных механизмов, факторов и особенностей формирования исторической памяти в финно-угорских семьях мордвы и удмуртов.

Результаты исследования и их обсуждение. Было выявлено, что основными механизмами передачи семейной памяти молодому поколению являются семейные истории (рассказы), соблюдение определенных семейных, этнических традиций, коммеморативные практики и т. д. Базовым событием исторической памяти в семьях мордвы и удмуртов выступает Великая Отечественная война, затронувшая каждую семью, большинство информантов участвуют в акции «Бессмертный полк». Интерес к истории рода, фамилии выше, чем интерес к малой родине, истории своего этноса. В удмуртских семьях отмечалось большее знание этнических традиций и праздников, чем в мордовских. Наиболее посещаемые места памяти – храм, кладбище, мемориал «Вечный огонь».

Заключение. Семейному аспекту исторической памяти в финно-угорских семьях мордвы и удмуртов уделяется большее внимание, чем региональному (этническому) или федеральному. Наибольшую роль в формировании исторической памяти подрастающего поколения большинство информантов отдавало семье и школе.

Ключевые слова: историческая память; финно-угорские семьи; мордва; удмурты; семейная память; семейные рассказы; узлы памяти; места памяти.

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-411-130004 p_a «Роль исторической памяти в конструировании общегражданской идентичности молодежи: региональный аспект».

Для цитирования: Дадаева Т. М., Мотькин В. Н. Историческая память в финно-угорских семьях мордвы и удмуртов (опыт анализа семейных историй) // Финно-угорский мир. 2019. Т. 11, № 4. С. 414–436.

Введение

Историческая память является сложным социокультурным феноменом. Ее формирование осуществляется под воздействием микро- и макросреды. Макросреду можно охарактеризовать как процесс смены исторических эпох, социально-экономическое, культурное и политическое развитие общества. Микросреда представляет собой окружение индивида и социальные институты, с которыми он взаи-

модействует повседневно. При этом важно понимать, что историческая память определяет отношение человека к стране, к своему народу, этносу и другим группам, с которыми он себя идентифицирует. В формировании исторической памяти участвуют как государство, заинтересованное в воспитании чувства патриотизма и гражданственности у молодого поколения, так и социальные институты – семья, школа,

вуз, СМИ и др. Истоки приобщения индивида к социальному опыту прошлого находятся именно в семье. Семья закладывает эмоциональный и интеллектуальный фундамент личности, формирует родовое, этническое самосознание, любовь к малой родине, к ее прошлому. Используя определенные механизмы воздействия, семья еще на начальных этапах развития личности, передает знания прошлого поколения, традиции, обычаи своего этноса, прививает индивиду определенные ценности и убеждения, тем самым предопределяя его дальнейшее поведение. Историческая память, очевидно, включает в себя семейную, поскольку не существует истории семьи вне истории своей страны. Семейная память всегда пересекается с исторической, хотя иногда противоречит ей.

В связи с этим изучение роли семьи в формировании исторической памяти современного молодого поколения, особенно в этническом контексте – в семьях мордвы и удмуртов – представляется чрезвычайно актуальным.

Обзор литературы

Одним из первых социологическую трактовку памяти обосновал Э. Дюркгейм, который использовал понятие «коллективное сознание». Он также уделял внимание ритуалам, связанным с сохранением в памяти каких-либо событий. Социолог сделал вывод о том, что для поддержания стабильности общества и для того, чтобы члены данного общества могли ощущать солидарность и историческую преемственность существования своей общности, они должны организованно забывать и помнить определенные вещи определенным образом.

Последователем Э. Дюркгейма стал М. Хальбвакс, который ввел в научный оборот понятие «коллективная память» [32, 28]. По его мнению, главной функцией коллективной памяти является поддержание единства сообщества и обеспечение возможности его воспроизводства [32, 29–30]. Ученый первым предложил рассматривать память как социально детерминированный элемент общественного сознания и коллективной идентичности.

Применительно к теме исследования можно выделить работы ученых, посвященных теоретико-методологическим подходам к изучению исторической памяти. Это труды Б. Андерсона [2], Я. Ассман [3], М. Барга [5], Ж. Ле Гоффа [15], Ю. М. Лотмана [18], П. Нора [21], П. Рикера [27], Ж. Т. Тощенко [29], М. Хальбвакса [31; 32] и др. В частности, Нора занимался изучением «мест памяти», коммеморативных практик, ввел понятие «узлы» памяти (отражающее наиболее значимые события). Создание «мест памяти» является важным механизмом формирования исторической памяти. Так, Нора писал: «Места памяти – это останки. Крайняя форма, в которой существует коммеморативное сознание в истории... Музеи, архивы, кладбища, коллекции, праздники, годовщины, трактаты, протоколы, монументы, храмы, ассоциации – все эти ценности в себе – свидетели другой эпохи, иллюзии вечности» [21, 26].

Близкое к понятию «историческая память» категория «историческое сознание». Однако историческое сознание шире, чем историческая память и поэтому включает в себя последнюю. Историческое сознание, воплощая в себе историческую память и опыт прошлого, часто обращается в будущее. Л. П. Репина считает, что в основе описания истории прежде всего лежит историческое сознание, которое объединяет прошлое с настоящим, при этом происходит проецирование в будущее [26, 479]. Российский социолог Ю. А. Левада под историческим сознанием понимал стихийно сложившиеся или многообразные, созданные наукой формы, в которых происходит процесс осознания обществом своего прошлого [16, 191].

Ведутся дискуссии и о связи истории и исторической памяти. Главное различие данных понятий состоит в том, что изучение истории направлено на объективное отражение прошлого. Историческая память может опираться на воображение, чувства, эмоции и часто мифологизирует события. В. Н. Бадмаев, говоря о связи истории и памяти, отмечает, что историческая память наделена в большей степени не рациональной оценкой прошлого, а

эмоциональной [4, 80]. Историческая память по природе избирательна и, выделяя одни факты, может предавать забвению другие.

Российские ученые исследуют проблему исторической памяти с различных фокусов. Такие исследователи, как М. С. Бобкова [7], О. В. Головашина [10], И. Н. Горин и В. В. Менщиков [11], О. О. Дмитриева [12], О. Б. Леонтьева [17], Л. Н. Мазур [20], А. Н. Покида и Н. В. Зыбуновская [23], Э. А. Шеуджен [33] и др., анализируют динамику исторической памяти в качестве социального феномена, определяют ее основные характеристики, элементы, функции и механизмы формирования. В частности, И. Н. Горин и В. В. Менщиков предлагают следующую классификацию форм исторической памяти: память поколений, которая хранится и передается в устной форме (эта форма памяти склонна к трансформации фактов путем забывания или добавления новых элементов); научная форма исторической памяти; такая форма, как культурно-исторические символы (определенный набор событий, явлений, фактов, имеющих значимость и ценностное содержание в исторической памяти конкретной общности) [11, 74].

Анализ роли государства, власти и оппозиции в формировании исторической памяти отражен в работах Т. А. Булыгиной, Т. Н. Кожемяко [8], В. И. Мажникова [19].

Роль семьи в формировании и функционировании исторической семейной памяти, в том числе различных групп молодежи, изучают А. Н. Алексеев (соотношение исторической и семейной памяти) [1], Е. В. Белова, А. А. Крисанов (социальная динамика семейной исторической памяти студентов) [6], С. А. Глушкова (роль семьи в формировании этнической идентичности) [9], С. Ю. Иванова (семья как сфера формирования патриотических установок молодежи и сохранения исторической памяти) [13], В. В. Кулиш (историческая память учащейся молодежи) [14], Е. Л. Омельченко, Ю. В. Андреева (поколенческая динамика семейных историй) [22], И. В. Положенцева, Т. Л. Кашен-

ко (личная историческая память студентов) [24], Т. П. Путьгина (формирование исторического сознания школьной молодежи) [25], З. Х. Саралиева, С. С. Балабанов, П. И. Куконков (историческая память поколений) [28], В. И. Филоненко, Л. А. Штомпель, О. М. Штомпель (культурные аспекты исторической памяти российских студентов) [30] и др.

Можно сделать вывод, что историческая память включает в себя процессы, связанные с запоминанием, сохранением и воспроизведением прошлого опыта человека, народа, страны и включением его в сферу сознания. Главным предметом памяти человека становится не само событие, а его воспоминание, отпечаток данного события в его сознании. Определенный образначале передается непосредственными участниками события, а позже интерпретируется последующими поколениями.

Историческая память представляет собой сложный, постоянно развивающийся динамичный социальный феномен, не только отражающий систему социальных связей в обществе, но и обеспечивающий его историко-культурную преемственность, передачу из поколения в поколение через следующие источники: историческая наука, СМИ, искусство (кинематограф, литература, живопись), семейные рассказы, непосредственный личный опыт.

Исследования исторической памяти традиционно ведутся на междисциплинарном уровне, однако работ, посвященных изучению условий и механизмов формирования исторической памяти на региональном (этническом) уровне в социологическом аспекте, немного. В частности, недостаточно изучено влияние семьи на процесс формирования исторической памяти молодого поколения в финно-угорских республиках.

Материалы и методы

Эмпирической базой исследования послужило качественное социологическое исследование «Роль семьи в формировании исторической памяти в финно-угорских семьях мордвы и удмуртов», прове-

денное методом полуструктурированного интервью в январе–феврале 2019 г. по разработанному гайдю интервью. В теоретическую выборку качественного исследования в равных долях вошли две категории финно-угорских семей мордвы и удмуртов (n=28) в возрасте от 30 до 65 лет, обязательное условие – наличие детей в семье. В ходе исследования были опрошены 28 человек: 50 % женщин и 50 % – мужчин; 14 представителей удмуртской национальности, 14 – мордовской (100 % женщин и 93 % мужчин – эрзя, 7 % мужчин – мокша). В возрастной категории от 30 до 35 лет опрошено 14 % женщин, от 36 до 41 года – 58 % женщин и 14 % мужчин, от 42 до 47 лет – 21 % женщин и 65 % мужчин, от 48 до 53 лет – 7 % мужчин, от 53 до 58 лет – 7 % женщин и 7 % мужчин, от 59 до 64 лет – 7 % мужчин. По семейному стажу: 36 лет состояли в браке 7 % семей, 24 года – 7, 23 года – 7, 22 года – 15, 20 лет – 36, 17 лет – 15, 12 лет – 7, 10 лет – 7 %. Все опрошенные семьи имеют детей: одного ребенка – 7 % семей, двоих – 50, троих – 14, четырех детей имеют 29 % семей. Высшее образование получили 42 % опрошенных, среднее профессиональное – 53 и среднее – 5 %. Исследование включало изучение основных механизмов, факторов и особенностей формирования исторической памяти в финно-угорских семьях.

Результаты исследования и их обсуждение

Блок 1. Знание истории фамилии, рода, семейного древа

(для чего нужно сохранять историю семьи, нужно ли делиться данными знаниями со своими детьми и нужна ли эта информация в целом)

Информанты в основном знают свою родословную до третьего или четвертого поколения, услышанные когда-то от родителей и прародителей знания о своем роде стараются передать детям. Многие составляли родословную вместе с детьми. Однако знаний о происхождении рода, фамилии, собственной родословной немного, поскольку их не было и у старшего поко-

ления. В советское время люди боялись рассказывать детям о прошлом своей семьи, так как часто это было небезопасно. Сегодня интерес к составлению семейных родословных возрос, и этому способствуют многочисленные ресурсы в Интернете.

История фамилии. «Как бы грустно это не звучало, но люди уходят из нашей жизни, с ними уходит и целая история. Поэтому я и стараюсь разговаривать, спрашивать. Чтобы я могла своим внукам все рассказать и передать о своей семье, о их семье, о их корнях и их истории. Это очень важно в настоящее время, потому что сейчас такой век, когда, я бы сказала, это не ценится в большинстве случаев». «...Тот человек, который не знает своей истории, он обречен на гибель. То есть каждый из нас должен знать свои вехи» [№ 3, ж., удм., 42 г.]¹. «...Что запомнила, то и рассказываю. Обязательно» [№ 5, ж., удм., 41 г.]. «...Родители мои родом из деревни Калыши, а... потом мы уже вот сюда в Кемлю переехали. Бабушка тоже всю жизнь в той деревне и прожила. Так что родом мы все оттуда получается. Про фамилию вообще ну... ну ничего не знаю» [№ 15, ж., эрзя, 41 г.]

История рода. «...Сохраняя память о прошлом, мы находим, наверно, как-то себя вот в этой жизни, свое место» [№ 1, ж., удм., 41 г.]. «Да и знать, в принципе, какая кровь течет в тебе, обязательно. Не зная, кто ты, можно ли существовать дальше? Вопрос хороший, но ведь мало кто знает от и до свою историю» [№ 2, м., удм., 45 л.]. «История семьи это такая непрерывная пленка и, создавая пробелы, да, она может просто исчезнуть. То есть без знаний истории своей семьи исчезнет, получается, память и о тебе» [№ 8, м., удм., 60 л.]. «Дети должны знать историю своей семьи, чтобы потом рассказывать о ней своим детям» [№ 11, ж., удм., 42 г.]. «Важно, ведь все начинается с семьи. Семья она как исток. Как начало. А дальше идет садик, да, школа, университет, работа. Везде получаешь какие-то знания. А вот история семьи... она у каж-

¹Здесь и далее в квадратных скобках указываются следующие данные о респондентах: номер по порядку, пол, национальность, возраст.

дого своя. Она уникальна» [№ 17, ж., эрзя, 43 г.]. «Важно. А как же без этого?... Это как основное должно быть, как фундамент... Все рассказывают о жизни, и ты понимаешь, как жили твои предки, через что прошли. Как-то ценить начинаешь» [№ 18, м., эрзя, 46 л.].

Генеалогическое древо семьи. «...Мы, мать и отец, их родители и все. Больше ничего и не знаю». «...Бабушка с дедушкой нам рассказывали с сестрами что-то... Да и мама... ну вот редко очень» [№ 15, ж., эрзя, 41 г.]. «Смогу только до своих бабушек и дедушек» [№ 16, м., мокша, 41 г.]. «...Совсем поверхностную информацию. Предки мои были представителями Ульяновской губернии. Точной информации по поводу того, кем были мои предки, я сказать не могу. Потому что сведения в архивах и вот рассказы моих дедушек и бабушек немного расходятся». «Да, смогу. До родителей своих бабушек и дедушек» [№ 17, ж., эрзя, 43 г.]. «Ну здесь я только до бабушки своей смогу... до нас остальные сведения почему-то не дошли» [№ 18, м., эрзя, 46 л.]. «...До своей прапрабабушки смогу» [№ 19, ж., эрзя, 46 л.].

Блок 2. Наличие семейного архива (документы, фотографии, награды, реликвии и др.)

Во всех семьях информантов хранятся фото родных и близких. Фотоальбом можно рассматривать как место хранения семейной истории. Наличие в альбоме фотографий предшествующих поколений дает возможность познакомиться с семьей не только выслушав истории, но и рассматривая визуальные документы. Важно сохранить данный источник информации о прошлом семьи для будущих поколений. Надо заметить, что в семьях нечасто обращаются к альбому и семейным документам. В основном используют семейный архив для составления генеалогического древа или для того, чтобы показать своим родным.

«У нас фотографий очень много... причем фотографии уже и прадедушек хранятся. Вот мы постарались забрать их в свой семейный архив как раз тогда, когда

составляли родословное древо... недавно с дочерью проводили такую работу... старые фотографии, они были подписаны на обратной стороне, аннотация была составлена к фотографиям». «Сказать, что часто, то не очень часто. Ну вот раз мы занимались вот этой работой. Мы аккумулировали вот эти знания, да, по истории нашей семьи, то уже другие родственники к нам обращаются за этой информацией. Там у кого-то детишки подрастают, кому-то тоже надо там реферат писать, еще что-то. И обращаются к нам за этой информацией. Чаше всего вот тогда мы их поднимаем, эти семейные фотографии, архивы... может быть, раз в год. Бывает такое желание просто взять и перелистать, пересмотреть эти фотографии» [№ 1, ж., удм., 42 г.]. «Ну раньше фотографий было, конечно, совсем немного. То, что есть, это вот буквально шестидесятые годы. Самые старые» [№ 3, ж., удм., 42 г.]. «Фотографии бабушек и дедушек есть. Документы есть вот. Есть свидетельство о рождении дедушки, который был ветераном войны. Он уже умер давно» [№ 5, ж., удм., 41 г.]. «Есть семейный альбом у нас. Документы некоторые от бабушки, прабабушки, дедушки тоже. Есть у нас свидетельства о рождении их, военный билет вот от деда» [№ 11, ж., удм., 42 г.]. «Альбом есть. А обращаемся редко, очень редко. Когда там гости приедут, а так... чтобы сесть и прям смотреть, то такого нет» [№ 15, ж., эрзя, 41 г.]. «Фотоальбом есть, да. Обращаемся, конечно, не так часто, но все же. И еще у нас есть небольшая, так скажем, семейная реликвия. Моя прабабушка получила от своей свекрови брошь. Вот при каких обстоятельствах передали брошь, я не знаю, но теперь эта брошь у меня, и я надеюсь, что моя дочь скорее родит мне внучку. И уже к ней перейдет эта драгоценная, не побоюсь этого слова, вещь» [№ 17, ж., эрзя, 43 г.]. «Фотоальбом обязательно и вот старые документы сохранились. От матери еще. А там и свидетельства о рождении и грамоты разные тоже есть. Обращаемся к ним нечасто. Когда перебираешь что-нибудь или просто вот в но-

стальгию когда впадаешь» [№ 19, ж., эрзя, 46 л.]. «...Моя мама передала все старинные вот такие документы нам на хранение. Там значит есть и свидетельства различные, и письма с войны... И альбом тоже есть. На самом деле очень люблю пересматривать и перечитывать такие вещи. Из них... вот прям историей веет, так скажем» [№ 21, ж., эрзя, 36 л.].

Для большинства информантов знания о корнях своей семьи способствуют пониманию смысла существования. Передавая эти знания детям, они поддерживают связь между поколениями. Следовательно, семейная память находится в состоянии динамики и не подвергается забвению.

Блок 3. Знания о малой Родине, истории населенного пункта, этносе, о языке, об этнических традициях и особенностях

Многие информанты полагают, что знания о малой родине необходимы, но сами мало осведомлены об этом и часто дают противоречивую и недостоверную информацию об истории края.

«Вотяки да удмурты. Все, что я могу сказать. Ну вот насчет северных и южных удмуртов могу сказать. Якишур-Бодья от речки Якишурки название пошло. А вот про Удмуртию саму практически ничего и не знаю» [№ 4, м., удм., 47 л.]. «Ну то, что древние удмурты жили южнее. Что они очень часто меняли места, потому что, если кто-то приходит чужой, то они сразу уходили. Они не воевали, не конфликтовали, они не отвоевывали свое, а отвоевывали у леса место жилища» [№ 5, ж., удм., 41 г.]. «Не-а, ничего не знаю» [№ 6, м., удм., 43 г.]. «Вот здесь тоже обширной такой информацией не обладаю. Вот про село, возможно, и расскажу... как Удмуртия образовалась, то здесь уже проблемки будут» [№ 7, ж., удм., 57 л.]. «...Мало чего знаю на самом деле. Священное дерево у них была ель. Молились удмуртским богам. О всех добрых вестях и праздниках сообщали ударом... в тангыру! Вот эта вот штука стояла при въезде в деревню. У нас вот видела на площади у поросенка, око-

ло елей стоят? Вот это она» [№ 9, ж., удм., 42 г.]. «...Относимся к финно-уграм и все». «Деревня старая у нас. Никто, наверное, и не знает, как она образовалась» [№ 14, м., удм., 36 л.]. «Я вот эрзя, а муж у меня мокшанин. Ну про эрзя мало чего знаю. <...> Поселения у них, наверное, разное, да? Мокша, наверное, у реки Мокша как-раз образовались...». «Вот что-то слышала... ну про Кемлю-то. Там что-то связано с сапогом что ли было. Мол, Иван Грозный потерял башмак свой в реке. И что так и назвали “Кемля”. На языке нашем башмак означает как раз... Мордва финно-угры... есть эрзя и мокша» [№ 15, ж., эрзя, 41 г.]. «Я эрзя. Знаю мало по этому поводу на самом деле... То, что к финно-угорской семье относимся. <...> Они жили раньше на территории Рязани и даже Марий Эл. Ну язычниками были». «Знаю, что Саранск образовался в тысяча шестьсот четырнадцатом году, если мне память не изменяет. ...И во владениях татаро-монгольского ига были» [№ 17, ж., эрзя, 43 г.]. «...Мордвы как такого этноса нет, есть только мокша и эрзя. Вот они имеют немного разные особенности. В костюмах, в традициях, в языке даже... значит, это финно-угры». «Насколько я знаю, то наше село называлось сначала “Покиш веле”. Означает “Большое село” это если с эрзянского да. Из того большого села образовалось два. Село вот Большое Алово и деревня Новая Алова. А потом вот одно стало Алово» [№ 19, ж., эрзя, 46 л.]. «Значит, эрзя принадлежит финно-угорской группе. Есть эрзя и мокша, как таковой мордовской национальности нет. Жили они раньше в Пензе, Ульяновске и Нижнем Новгороде. К сожалению, на этом все. Ну и вот то, что язычники, селились вдоль рек» [№ 21, ж., эрзя, 36 л.]. «Финно-угры, значит. Языки у нас эрзя и мокша». «Вот знаю точно, что Саранск образовался в тысяча шестьсот сорок первом году. Был назван как раз из-за реки Саранки. Насколько помню, то здесь первоначально была крепость. И как раз ее и захватил Степан Разин... Еще Саранск входил в Пензенскую губернию» [№ 23, ж., эрзя, 41 г.]. «Эрзя... Язык эрзянский,

день языка отмечается шестнадцатого апреля» [№ 27, ж., эрзя, 41 г.]. «Эрзяне финно-угры. У реки Мокши проживали и Суры. Все ведь племена раньше искали такие места, чтобы почва плодородной была и реки рядом». «Ну история у Смольного не такая уж и богатая. Обычный поселок. Раньше название просто другое было. “Леспромхоз” назывался. У нас сейчас тут и заповедник... ну парк вот есть. Сосновый этот бор, база отдыха, пруд» [№ 28, м., эрзя, 44 г.].

Историческая память – это не просто набор передаваемых из поколения в поколение воспоминаний, исторических событий это еще и применение прошлого социального опыта на практике, которое может выражаться в участии семьи в различных традициях и ритуалах. Большинство информантов мало осведомлены о том, какие особенные традиции и ритуалы существуют у удмуртов и мордвы. Семьи, где их знают, стараются приобщать своих детей к данным практикам. Были упомянуты традиционные блюда удмуртов и мордвы, которые и сегодня являются главными в дни празднования, а также некоторые обычаи.

«Встречаемся с маминими родственниками, тоже табани и перепечи готовим. Это вот коронное блюдо» [№ 1, ж., удм., 42 г.]. «Засунуть голову ребенка в первую лунку. Чтобы картошка выросла большая – надо голову ребенка в первую лунку засунуть. Это соблюдаем. ...Ну отмечаем “Гырон быдтон” это вот сбор урожая, да. Так говорим: “Гырон быдтон”, что сели за стол и собрали урожай» [№ 3, ж., удм., 42 г.]. «Мы соблюдаем... старинный удмуртский обычай “веме” называется. Это когда все родственники собираются и делают что-то вместе. Дом построить, сено убрать...» [№ 5, ж., удм., 41 г.]. «Знаем вот про традиционные блюда: перепечи, табани. Обязательно готовим на праздники. А так мы еще каждый год ездим на фестиваль “Ворекьян”. Не пропускали еще ни разу. <...> Ну вот “Гербер” тоже празднуем. А вот еще Виль жук, ну или Ильин день в переводе. Его вот тоже стараемся соблюдать» [№ 7, ж., удм., 57 л.]. «Тради-

ций я, конечно, мало знаю... Вот только про национальные блюда. Что вот перепечи должны быть на столе, да. Праздники некоторые знаю тоже. С италмасом связано что-то... Еще... в августе в начале празднуется? Ворьякя? Вроде так, да. На этом все, наверное. <...> А насчет того, соблюдаем или нет, то здесь уже... как-то от случая к случаю. Перепечи часто делаем, а вот остальное когда как» [№ 11, ж., удм., 42 г.]. «Вот в деревне чего только не увидишь. К речке девчонки ходят на Иван Купала с венками этими, и на березу-то ленточек навязжут. Мы, конечно, не все традиции и вот эти ритуалы знаем, но и не соблюдаем тоже вот. Потому что толком-то и не знаем» [№ 14, м., удм., 36 л.]. «Мне кажется, что вот как раз у всех народов, да... финно-угров-то, одинаковые все традиции. Костюмами могут отличаться и тем, как празднуют... Ну вот на Пасху яйца дети собирают, обязательно в церковь ходим» [№ 15, ж., эрзя, 41 г.]. «На старый Новый год мы сжигаем старые вещи. Но такое не только у нас, я думаю. Ну... я хоть и мордвин, но знаю очень мало» [№ 18, м., эрзя, 46 л.]. «Да, бабушка моя рассказывала, что обряды свадебные были раньше. Чуть ли не на несколько дней. В медведя наряжались (офта). Сначала свадьба в доме жениха, потом невесты... раньше обращали внимание на имуществу невесты, ну вот чтобы она с приданым была. <...> Троица очень важный праздник для нас, дом наряжаем веточками, Масленица, колядки тоже. Дети у меня до сих пор колядуют» [№ 19, ж., эрзя, 46 л.]. «А что касается кухни, тоже соблюдаем. Теца моя пироги печет, поза еще, вот, люблю. Супы вот эти» [№ 20, м., эрзя, 46 л.]. «Разве что коляда у нас ходит, вот на Рождество. Остальные все как все» [№ 21, ж., эрзя, 36 л.]. «Знаю только одну традицию. Свадебную. Хорошая традиция такая. Рубашки раньше невеста вышивала и шила мужу своему и друзьям его. Сейчас такого уж и не встретишь. Раньше свадьбы-то неделями отмечали. И невесту-то целый день это... ну уж наряжали что ли. Раньше невеста жениху

все делала, и приданое готовила, а сейчас, все наоборот» [№ 26, м., эрзя, 45 л.]. «Мы ходим колядовать всей семьей на Рождество. Тоже традиция такая. А в школе дети тоже празднуют день языка, ну нашего, в апреле» [№ 28, м., эрзя, 44 г.].

Несмотря на недостаточный уровень знаний об особенностях своего этноса, некоторые отметили, что соблюдение данных практик становится толчком для сохранения самобытности удмуртов и мордвы. Было озвучено и то, что, теряя традиции, мы склонны утрачивать самобытность, особенности этноса, которые накапливались десятилетиями. То есть в итоге этнос может просто исчезнуть.

«Знать бы желательно, но ведь от родителей все зависит. Если мы не будем их к этому приучать или... если мы не будем им помогать это усвоить, то и им этого не нужно будет» [№ 2, м., удм., 45 л.]. «Нужно, конечно [сохранять традиции]. Чтобы род вот этот вот удмуртский... так скажем, себя не исчерпал. Важно, важно это знать. Язык не знаем, то хоть традиции будут» [№ 11, ж., удм., 42 г.]. «Конечно, их нужно и необходимо знать... они ведь, так скажем, на неформальном уровне больше, да, и поэтому как-то их меньше соблюдают, чем такие официальные праздники» [№ 13, ж., удм., 31 г.]. «Знать, чтобы мордва истинная не исчезла. А тут уж все потеряно, мне кажется. Единицы знают и сохраняют. Как бы грустно это ни звучало» [№ 24, м., эрзя, 43 г.].

Важность знания семейной истории. «...То есть, по сути, для меня вот люди, которые не соотносят себя с Родиной какой-то, своей малой Родиной, со своей страной, они для меня маргиналы. То есть это люди, которых общество отторгло и не приняло больше. Такие вот своеобразные отщепенцы» [№ 1, ж., удм., 42 г.]. «На своем опыте вот даже если сейчас смотреть, то у меня этих знаний было недостаточно, что просто привело меня в тупик... когда это дерево составляли. Поэтому знать это нужно, в дальнейшем это очень помогает. Да и знать, в принципе, какая кровь течет в тебе, обязательно. Не зная, кто ты, можно ли

существовать дальше? Вопрос хороший, но ведь мало кто знает от и до свою историю. Это просто лень или нежелание знать. А я горжусь тем, что мои дети имеют хоть какие-то представления о своей родословной» [№ 2, м., удм., 45 л.]. «Конечно, необходимы. Для сохранения истории. Это вот как про семью. Нужно знать среду, в которой живешь, в которой растут твои дети» [№ 7, ж., удм., 57 л.]. «Это же очень помогает в жизни. И когда вот рассказываешь о республике своей ты просвещаешь других и даешь знать, что ты разбираешься ну... и любишь получается, раз все знаешь. Значит, ты в этом заинтересован же» [№ 11, ж., удм., 42 г.]. «У меня дети просто сами в этом с радостью участвуют, поэтому проблем с этим [с передачей знаний, традиций] никаких нет. Они ждут колядки, блины на праздники. Может, у нас в селе так. Что и на Пасху все еще ходят яйца собирать. А знать должны, да, как раз вот все меньше же таких, кто соблюдает вот эти традиции, чтобы не потерять вот эту принадлежность» [№ 19, ж., эрзя, 46 л.].

Блок 4. Важность развития этнической идентичности у детей

Историческая память во многом определяет идентичность личности, то к какой общности она будет в первую очередь себя относить. Информанты говорят о важности формирования этнической идентичности в детях для того, чтобы сохранить национальное достояние, язык и культуру, однако многие главную роль в этом процессе отдают государству и его политике. Информанты отмечали, что гордятся своей этничностью и национальностью.

«Признать себя удмуртом, значит, об удмуртах. Развивать нужно, но будет ли в этом толк? Дети не будут сейчас удмуртский учить, они учат английский, китайский, да все, что угодно, но не удмуртский. Потому что он им просто не пригодится. Здесь больше зависит от политики, которая у нас в стране. Насколько государству это будет необходимо» [№ 2, м., удм., 45 л.]. «Нет, не знают

дети [удмуртский язык]. Потому что мы в семье не разговариваем по-удмуртски. А в школе учат только основам. То есть они понимают такую, самую простую речь. Бабушка у нас говорит, но вот раз уже, раз мы не разговариваем друг с другом по-удмуртски, то они не разговаривают». [№ 3, ж., удм., 42 г.]. «Очень важную роль. Я горжусь тем, что я удмуртка. Что у нас есть свои традиции, у соседей свои традиции, и то, что русские с удмуртами уже вот так переплелись, мне это тоже очень нравится. Потому, что никогда не будет розни, мне кажется. Когда вот в родственниках есть татары, удмурты и русские, то между такими семьями никогда не будет розни национальной...» [№ 5, ж., удм., 41 г.]. «Да, я думаю, что сейчас это огромной роли не играет. Кто ты там удмурт, башкир или татарин. Есть какие-то особенности в характере, но это не так важно. Поэтому... ну так, главное, чтобы человек хороший» [№ 6, м., удм., 43 г.]. «Гордость, что ты удмурт – это важно. У меня дети удмурты и они не стесняются этого» [№ 7, ж., удм., 57 л.]. «Важно развивать, но для этого язык нужно знать. Я сама вот удмуртка, а языка и не знаю. Понимаю, а вот сказать ничего не могу. Да и детям это не надо. Не знают языка тоже. Но это нехорошо на самом деле. Так вот, из-за таких как мы, язык и пропадает. Вот посмотрим, через лет двадцать-тридцать, сколько людей родной язык будут знать. Сейчас то вон, единицы. Бабули да дедули в основном» [№ 9, ж., удм., 42 г.]. «Для меня это важно, да, в какой-то степени. Но для этого много знать нужно. Быть истинным мордвином значит знать язык, традиции и историю. А иначе себя можно с кем угодно отождествлять. Но, кстати говоря, мои дети не знают язык. Это, конечно, плохо, да. Но ведь я не могла их заставить» [№ 11, ж., удм., 42 г.]. «Сейчас мало внимания уделено вот этой этнической идентичности. Об этом больше государство и правительство должно заботиться. А родители только немного помогать в этом» [№ 12, м., удм., 44 г.]. «Она должна играть важную роль у всех.

Потому что нации исчезают, вот эти же... разные этносы, да... границы как-то смываются, и культура не поддерживается. Я, конечно, хочу, чтобы мои дети и дальше разговаривали на нашем языке, но было бы с кем ведь еще. А это важно» [№ 13, ж., удм., 31 г.].

«Да они как бы знают, что они удмурты, да, но как бы ничего не меняется при этом. Удмурт не удмурт. Язык они не знают у нас. Я вот только на работе иногда пару словами перекинусь на удмуртском-то и все» [№ 4, м., удм., 47 л.]. «Пока мои маленькие еще, но, кстати, дети ведь говорят хорошо и понимают удмуртский. Просто не нужно забывать... корни свои что ли. Главное, чтобы отрицания этого не было. Да и стеснения, в принципе, тоже» [№ 14, м., удм., 36 л.]. «Дети сами пока не понимают, кто они и что они... в школе их языку-то и учат. Ну и правильно, пусть учат. Вот чтобы этот-то язык не пропал у нас. А хотя, что говорю... они же как выучили, так и забудут» [№ 15, ж., эрзя, 41 г.]. «...Это неважно сейчас уж. Русский ты или мокшанин...» [№ 16, м., мокша, 41 г.]. «Она играет роль только для того, чтобы сохранить как раз, вот... наш этнос. Но, а смысла нет, если не знаешь истории своего этноса, его происхождения, да. Вот этих же самых традиций и языка. Все бессмысленно, получается. Вот дочка даже моя. Мы-то хоть немного язык знаем. А она? Ее спроси что. Так она не ответит же. Это очень плачевно на самом деле» [№ 17, ж., эрзя, 43 г.]. «Мордва так мордва. Сколько у нас таких-то? Да много, очень много. Сейчас и не разберешь кто есть кто...» [№ 18, м., эрзя, 46 л.]. «Это как с традициями. Чтобы сохранить нацию и этнос, нужно знать традиции и язык. А по-другому все просто пропадет» [№ 19, ж., эрзя, 46 л.]. «Мне бы хотелось, чтобы дети знали язык... Ну они знают, главное, чтобы не забывали. Может, кто-то и стесняется этого. А я не понимаю, чего стесняться? Ну эрзя? И что? Ну ничего же такого в этом нет. Да и сейчас никто не спрашивает, кто ты по национальности» [№ 28, м., эрзя, 44 г.].

Мнения по данному вопросу разошлись. Кто-то также считает, что, если развивать в ребенке этническую идентичность, можно сохранить удмуртские и мордовские традиции, и будет возрождаться язык. А кто-то говорит о том, что этническая принадлежность остается лишь в документах, а в жизни уже никто не обращает на это внимание. Видимо, большинство браков смешанные, что приводит к размыванию этнических особенностей. Семья должна уделять особое внимание сохранению этнических традиций, поскольку историческая память народа определяет и межэтнические отношения. Следовательно, ответы об этнической идентичности детей оказались неоднозначными, информанты понимают важность ее сохранения, однако с практической точки зрения считают, что национальные языки не востребованы и вряд ли пригодятся детям в будущем.

Блок 5. Семейные традиции

«Ну... традиции – это же все равно какие-то семейные праздники, да. Потом мы православная семья. Мы сохранили... ну участвуем в таких вот – в Пасхе, в храм ходим, вот. Все-таки я считаю, что это семейный тоже момент. Рождество такой семейный праздник» [№ 3, ж., удм., 42 г.]. «...Каждую Пасху, например, и Рождество, мы ездим в деревню к моим родителям. Родители мужа приезжают тоже. У нас только это заведено. Вот и все, в принципе...» [№ 17, ж., эрзя, 43 г.]. «Как таковых традиций нет. Просто мы всегда помогаем друг другу. Если у кого стройка или еще что-нибудь. Традиция постоянной взаимопомощи» [№ 19, ж., эрзя, 46 л.]. «После знакомства с мужем такая традиция появилась. Они каждый год на Рождество собираются в родительском доме. Каждый год просто. Эта традиция мне так понравилась, что вот чувствуешь сразу себя частью этой большой семьи. Так приятно же и родителям, что все с разных уголков съезжаются и проводят вместе неделю или сколько там выходных?» [№ 27, ж., эрзя, 41 г.].

Блок 6. Знания об участниках исторических событий XIX – XXI вв. в семье
(Первая мировая война, революции в 1917 г., Великая Отечественная война, война в Афганистане, Чеченская война, военные действия на Донбассе)

«Дед воевал у меня в Великой Отечественной войне. А бабушка на заводе тогда работала». «Да, конечно. Все же благодаря им. Даже бабушка вот моя на заводе работала. Вот как мне мать рассказывала, днями да ночами не спала. Кушать было нечего, да. Но ведь понимала, что ей нельзя уходить. Что вот муж ее там. А она-то как дома будет сидеть. А мама в то время у соседки дома сидела. Там же собирали весь двор. Да и кто может, тот сидит. По очереди. Гордость есть, конечно. Ведь несмотря ни на что, шли ведь и работали. Воевали, жизнью рисковали, ради детей своих» [№ 4, м., удм., 47 л.]. «Почти вся семья в Великой Отечественной войне участвовала. Вот отец у меня, старший брат и... братья у отца. А мама швейей работала в то время. Форму шили, бушлаты разные. Не только я испытываю [гордость], но и вся моя семья. Это гордость. Гордость нашей семьи. И мы все должны гордиться ими. <...> С каждым годом ветеранов все меньше, кто-то меняет историю этих событий и свергает памятники, да. И поэтому вот такой канал, из уст в уста, остается, получается, самым надежным» [№ 8, м., удм., 60 л.]. «Дед участвовал в Великой Отечественной войне. Насколько помню, то он танкистом был... брат мой, Сашка... в Чеченской компании был» [№ 9, ж., удм., 42 г.]. «У меня служили дед и его братья тоже. Их по именам я не помню уже, но служили они в танковых войсках все. Дед у меня ранение получил тогда еще. А... про отца... Он у меня в Афганистане служил» [№ 16, м., мокша, 41 г.]. «В Афганистане мой двоюродный брат служил, дед участник военных действий во времена Великой Отечественной войны» [№ 20, м., эрзя, 46 л.]. «Вот Великая Отечественная война, у меня служили мой дед и прадед. Оба они служили у нас в стрелковых войсках. Если это так называется. Дед был ра-

нен. Но восстановился он у нас быстро. Ну и все. Оба вернулись живые и здоровые» [№ 21, ж., эрзя, 36 л.]. «У меня воевали старший брат вот в Чечне, он у меня военный по профессии. А в Великой Отечественной дед воевал. Из женщин все работали на заводах» [№ 22, м., эрзя, 40 л.]. «Мой дед служил, а бабушка в это время работала на ферме. Она у нас и на ферме в деревне работала, и в госпиталь прибегала помогать. Ну вот это как раз они мне рассказывали» [№ 23, ж., эрзя, 41 г.]. «У меня отец воевал в Чечне. И вот его отец тоже военный был. Получается мой дед в Великой Отечественной участвовал. Точно не помню, кем был. Вроде танкистом» [№ 24, м., эрзя, 43 г.].

Чем масштабнее и трагичнее событие, произошедшее на территории нашей страны, тем более значимым оно является для каждой семьи. Каждый информант отметил Великую Отечественную войну, несколько информантов упомянули участие родных в военных действиях в Афганистане и Чечне. Также хотелось бы отметить, что все знали об участниках данных событий и что каждый испытывает гордость за своих родных: «Да, конечно. Надо гордиться, необходимо просто» [№ 5, ж., удм., 41 г.]. «Первым делом гордость, конечно» [№ 7, ж., удм., 57 л.].

Каждый информант считает, что об участниках данных событий должны знать их дети, с которыми они активно делятся данной информацией: «Я рассказываю. Про брата своего рассказывал. Есть вещи, которые необходимо знать. И вот это – то самое. Есть то, чего не напишут в учебниках и не покажут по телевизору, ведь так?» [№ 6, м., удм., 43 г.]. «Да, это даже без разговоров. Это все должны знать. И последующее, и потом еще, и еще, все дальше и дальше. Вот сейчас историю любят переписывать, что-то постоянно изменять, а первоисточников с каждым годом все меньше, поэтому лучше всего передавать все в мельчайших подробностях» [№ 9, м., удм., 42 г.].

Никто из информантов не отметил, что деды или прадеды участвовали в Первой мировой войне. Очевидно, что политика памяти (политика государства) в отноше-

нии тех или иных исторических событий усиливает или ослабляет (при политике деактуализации) память о них. В советский период в семьях было небезопасно рассказывать о службе родных в царской армии и участии в Первой мировой войне, эти события замалчивались, поскольку оценивались негативно – как события царской России, буржуазной истории.

Блок 7. Источники формирования исторической памяти

(посещение мест памяти – мемуаралов, кладбищ, исторических музеев, выставок; просмотр исторических кинофильмов и т. д.)

Места памяти и коммеморативные практики. Информанты посещают исторические места, такие места, как правило, наделены определенной символикой, которая влияет на эмоциональный аспект формирования и функционирования исторической памяти. Посещение таких мест способствует большему закреплению в сознании, памяти события, которому посвящено данное место. Согласно исследованию, из мест памяти лидируют: монументы славы «Вечный огонь» в г. Саранске, Ижевске и сельских поселениях Республик Мордовия, Удмуртия, кладбища и храмы. Информанты назвали также музей им. С. Д. Эрзы (г. Саранск), музей им. Н. Т. Калашникова (г. Ижевск), мемориальный комплекс «Родина-Мать зовёт» (г. Волгоград), Дом-музей А. С. Пушкина в с. Большое Болдино, место расстрела семьи Романовых (г. Екатеринбург), музей И. К. Айвазовского.

«...Исторические места...пол Удмуртии удалось объехать, а половина так и осталось не исследованной... бываем на выставках художников каких-то. Но, если выезжаем куда-то, в другие города, в другие регионы, то обязательно посещаем исторические места...» [№ 1, ж., удм., 42 г.]. «Когда путешествовали по просторам Удмуртии, то жена нас всех вела куда-нибудь. А сейчас это уже не так практикуется». «...Музеи и выставки. Памятники, посвященные Великой Отечественной войне. Архивы посещали...» [№ 2, м., удм., 45 л.]. «Вот

в Волгограде, и у нас в Ижевске, в Бодье были на мемориалах» [№ 4, м., удм., 47 л.]. «“Вечный огонь”, получается. Музей Калашникова тоже бывали пару раз» [№ 10, м., удм., 44 г.]. «Да, были пару раз [в музеях]. Но больше всего, конечно, мне понравилось в музее Калашникова. Вот там целая история». «На площади только нашей у монумента на День Победы» [№ 14, м., удм., 42 г.]. «В Саранск ездили только один раз в музей Эрзи, скульптора. А так, ходить у нас больно то и негде. <...> Памятные места... на Девятое мая ходим на площадь, в церковь ходим в старую вот эту нашу» [№ 15, ж., эрзя, 41 г.]. «Музей Эрзи если только. С мужем еще однажды ходили в театр... на эрзянском языке там было. Дочка же не знает». «Вот на Девятое мая только, получается, и все. К монументу ходим» [№ 17, ж., эрзя, 43 г.]. «Музей. К “Вечному огню” ходим. В церковь на православные праздники». «В Саранске только вот пару раз были на выставке в музее Степана Эрзи и все. Больше как-то и не случилось» [№ 18, ж., эрзя, 46 л.]. «Было как-то, ездили в музей в Саранск. Еще я это, ездил в Екатеринбург и там тоже вот по музеям ходил, на место ходил, где расстреляли царскую семью. Столько впечатлений конечно...». «...Кладбище, храм, такие места тоже» [№ 20, м., эрзя, 46 л.]. «Кладбище, храм» [№ 21, ж., эрзя, 36 л.]. «Кладбище, храм, монумент Славы» [№ 22, м., эрзя, 36 л.]. «Да, каждую осень и зиму ездим в Большое Болдино, где проживал Пушкин некоторое время. Там и красиво и для туристов все очень хорошо организовано. Вот ходишь по территории и думаешь, а ведь тут, на этом месте когда-то сидел и ходил сам Пушкин. И для детей там очень хорошо все продумано. То есть и развлечения в виде лепки там всяких из глины сосудов. То есть очень интересно всем. На футбол ходили вместе. Посещаем храмы» [№ 23, ж., эрзя, 41 г.]. «Кладбище, храм иногда. К вечному огню обязательно на Девятое мая. Парки вот. На футбол ходим тоже, активные болельщики» [№ 25, ж., эрзя, 49 л.]. «Вот где в центре же есть у Степана Эрзи, вот там. Ага, на море, когда всей семьей ездили, то

ходили в музей Айвазовского, музей восковых фигур...». «Храмы, площади, стадионы» [№ 26, м., эрзя, 45 л.]. «Храм, на Девятое мая монумент, парк наш, который Смольный» [№ 27, ж., эрзя, 41 г.].

Исторические фильмы. Надо отметить, что информанты с удовольствием смотрят военные исторические фильмы и приобщают к этому детей, формируя таким образом историческую память молодого поколения.

«Я только такие фильмы и смотрю. Они должны учить чему-то, я считаю. Дети с радостью смотрят, кстати» [№ 2, м., удм., 45 л.]. «Вот я люблю такие фильмы смотреть. Дети сами смотрят со мной. Никто их не заставляет. Смотрим, обсуждаем. Оружие там, тактику. Такие мужские разговоры у нас [№ 4, м., удм., 47 л.]. «И военные и исторические смотрим. Но дети-то младшие, конечно, нет. Старшие так, иногда получается, что смотрим вместе» [№ 5, ж., удм., 41 г.]. «Мы очень любим их смотреть. Особенно вот на Девятое мая их постоянно крутят. Вот хоть мы десять раз этот фильм посмотрели уже, да, то вот одиннадцатый раз тоже обязательно посмотрим. Они вот какие-то добрые что ли. Очень любим. Вот это прямо наше семейное хобби, смотреть такие фильмы. ...Ну, с прошлым знакомишься и, ну, для себя что-то узнаешь» [№ 7, ж., удм., 57 л.]. «Смотрю, бывает такое иногда. Дети если захотят, то сами присоединятся» [№ 10, м., удм., 44 г.]. «Смотрим, конечно, но редко... А дети для таких кино еще не созрели» [№ 14, м., удм., 42 г.]. «...Вот на Девятое мая показывают часто, да. Вот тогда можем посмотреть» [№ 15, ж., эрзя, 41 г.]. «Муж обязательно смотрит. Он это очень любит. Я как-то за компанию. Дочь, кстати, тоже не против. Они же интересные такие...» [№ 17, ж., эрзя, 43 г.].

Блок 8. Праздники, семейные практики и традиции празднования

В семьях мордвы и удмуртов наблюдается высокая активность в праздновании всероссийских и православных праздников. Были отмечены такие праздники, как

Новый год, День Победы, День защитника Отечества, Международный женский день, Рождество, Пасха, День семьи, Первое мая, День конституции и др. То есть календарь праздников, который стараются соблюдать семьи достаточно широк. Каждая семья наделяет данные праздники определенным смыслом, формируя определенный набор практик при праздновании этих дат. Семьи также посещают мероприятия, которые организуются администрацией города или населенного пункта в форме массовых гуляний: День города, День села, День молодежи, День Победы, Новый год, Масленица.

«День Конституции, День России, наверное... День Восьмого марта, тоже всероссийский. Ну вот Двадцать третье февраля. Девятое мая это обязательно. Всегда ходим на парад. Дети обязательно. И у нас бабушка... она считает очень большим праздником, потому что они выжили в эту войну. Она у нас сорок первого года рождения». «...Может быть, Масленица, вот таких, которые развлекательные. Ну чтобы с детьми можно было бы сходить. Ну вот Девятое мая... Гербер тоже интересно проходит, выезжаем куда-нибудь тоже, в деревню» [№ 3, ж., удм., 42 г.]. «...Новый год обязательно, Девятое мая, Восьмое марта и Двадцать третье февраля... День семьи, любви и верности, который в июле... Просто собирается вся семья, да и все. А на день Петра и Февронии ходим в храм обязательно». «...Ну вот на День села ходим, День молодежи... на Масленицу» [№ 14, м., удм., 36 л.]. «Накрытый стол и гости. Как вся Россия празднует. А на Девятое мая обязательно ходим на кладбище, чтобы почтить память нашим предкам, которые воевали. Это обязательно» [№ 17, ж., эрзя, 43 г.]. «Новый год, Восьмое марта, Двадцать третье февраля, значит, и еще там все вот эти майские праздники, зимние» [№ 18, м., эрзя, 46 л.]. «...Новый год, Масленица, Рождество, так как мы православные, то и православные праздники тоже отмечаем. Вот такие праздники, которые уже испокон веков празднуются. Когда вот собираешься всей семьей, стол накрываешь и когда у детей

выходные». «Собираемся всей семьей, бабушка любимых пирогов нам напечет, гостей позовем и празднуем...» [№ 19, ж., эрзя, 46 л.]. «Обычно на Новый год ходим, на салют вот и Масленица» [№ 20, м., эрзя, 46 л.]. «...Много праздников у нас в России. Поэтому мы и Новый год отмечаем, и Рождество, Пасху, Крещение, День победы, День России и еще много, наверное, включая еще православные праздники. Православные праздники для нас очень много значат» [№ 21, ж., эрзя, 36 л.].

Узловым событием исторической и семейной памяти, по мнению всех информантов, выступает празднование Дня Победы – 9 мая, что включает посещение «Вечного огня», мемориалов, парада, салюта и участие в акции «Бессмертный полк». Здесь можно увидеть насколько масштабное событие второй мировой войны отразилось на жизни и памяти каждой семьи нашей страны. Когда семейная память становится частью общей истории. Данный праздник имеет свою интерпретацию в семьях, где есть родные, которые пережили данное событие лично. Это ветераны, работники тыла, дети войны и все те, кто имеет прямое отношение к этой дате. Чем больше масштаб всероссийского праздника, тем больше он будет распространен в контексте семейных практик.

«Девятое мая обязательно посещение “Вечного огня”, а вечером просмотр фильмов на военную тематику» [№ 2, м., удм., 45 л.]. «На День Победы обязательно посещаем площадь и “Вечный огонь”... ходим, участвуем в “Бессмертном полку”. Это тоже обязательно» [№ 11, ж., удм., 42 г.]. «Каждый год девятого мая мы берем портреты наших дедушек, бабушек... и участвуем в “Бессмертном полку”, обязательно. Не важно, какая погода, да, кто как себя чувствует. Идем все. По-другому никак» [№ 13, ж., удм., 31 г.]. «...Обязательно ходим на парад все вместе, чтобы они [дети] почувствовали, что это было. Вспомнили дедушек. И дома, мы вспоминаем тех, кто погиб тогда. Вот так вот, обязательно» [№ 3, ж., удм., 42 г.].

Знание о героях семьи. «Конечно. Здесь был важен каждый. Каждый из членов моей семьи является частью этой исто-

риш. Вот говорят же, что часы не будут работать без маленьких вот этих болтиков, шурупов, маленьких механизмов, так и здесь. Они оставили свой след и помогли вот этому движению. Здесь каждый был важен и никого нельзя оставлять без внимания. ...Как же не гордиться. Мы все гордимся и не только моими родными, но и всеми, кто участвовал в этих событиях. У нас в Бодье много таких семей, да что говорить про Бодью, практически в каждой семье есть те, кто был частью этих событий» [№ 7, ж., удм., 57 л.]. «Конечно! Это гордость нашей семьи, это наши герои!» [№ 13, ж., удм., 31 г.]. «Да, конечно. Дед у меня ранение получил тогда еще» [№ 16, м., мокша, 41 г.].

Блок 9. Семейные традиции

(которые соблюдаются уже несколько поколений)

Информанты назвали ряд семейных традиций, которые соблюдаются в их семьях, делая данную традицию в определенном смысле уникальной, что также способствует формированию семейной истории. Большинство семейных традиций связано с практиками празднования праздников, когда вся семья и родственники собирается вместе за праздничным столом.

«И вот всегда на Рождество и на... четвертое ноября, когда день Казанской иконы Божией Матери празднуется. Сейчас еще другой праздник с этим днем совпадает, это День народного единства. Мы всегда встречались у моей бабушки... скажем так, у старейшины нашего рода. Но, к сожалению, бабушка у нас уже умерла, она была уже старенькая. Но мы теперь продолжаем встречаться в эти дни, продолжаем эту традицию, но теперь уже опять же у старейшины рода, то есть у самой старшей сестры, получается. У самой старшей дочери» [№ 1, ж., удм., 42 г.]. «...Не знаю, можно ли назвать традицией, ну это у всех семей должно быть: приезжать к своим дедушкам и бабушкам. Привозить к ним внуков. Обязательно мы, вот пока у нас же родители в деревне живут, ежегодно мы ездим убирать сено. Для нас это тоже традиция. Мы уже настраиваемся на нее, пото-

му что нужно выделить время. И, конечно, все пытаемся помогать друг другу. В строительстве дома хотя бы...» [№ 5, ж., удм., 41 г.]. «Вот уже несколько поколений мы передаем ложку. Серебряную ложку. Сейчас она находится у моей сестры. Суть в том, что эта ложка передается новорожденным в нашей семье. То есть, как вылез первый зубик эта ложка достается ему, но уже после вот... первого года жизни или пока вот другой не родится, то эта ложка пока у него остается. Так уже у нас эта ложка у столькоких побывала, что не перечесть. Вот надеюсь, что скоро старший женится, и эта ложка перейдет уже в их семью. На самом деле это очень интересно и так памятно». «На Пасху и Рождество обязательно в храм и на салют тоже, на площадь ходим смотреть. Стараемся всех еще наших родственников в квартире уместить. Обязательно готовим вкусностей много. На столе у нас всегда должна быть рыба, это обязательное блюдо на всех праздниках. И вот. Собираемся все и отмечаем, празднуем, так сказать» [№ 11, ж., удм., 42 г.]. «Перед Новым годом у нас обязательно уборка и баня. Это уже наша маленькая традиция. Но последнее время так случается, что в самый последний день мы выкидываем елку. И не спрашивай почему. Но потом она снова оказывается дома. Никто не может этого объяснить на самом деле. Очень странно, конечно, но у нас уже такое третий год. А что касается остального, то... стол, конечно же, накрыт и гости обычно приезжают. Вот с Сургута у меня сестра приезжает с мужем и детьми, родители наши. И вот с зимних каникул и до конца они у нас остаются. Дети на колядки ходят, а мы, так скажем, с взрослыми отдыхаем. ...Православные праздники обязательно в храм ходим, причащаемся, стараемся пост держать всей семьей» [№ 17, ж., эрзя, 43 г.]. «Да, у нас есть очень хорошая традиция. Она еще как раз с времен моей прабабушки. Если вот в семье кто-то рождается, да, то его обязательно первым должен купить вот... так скажем, бабушка внука или внучки, который родился. И никто другой. Вот получает-

ся меня купала моя бабушка, мою маму моя прабабушка и вот так далее. У меня дочка, может, вот родит, то я буду купать. Она важная, конечно... но сохранить не знаю, удастся – не удастся. Но я постараюсь дочке-то объяснять все» [№ 21, ж., эрзя. 36 л.]. «Берем их [детей] с собой. Они видят, что это важно для всех нас, просто. ...Так, дружная семья, большая. Иногда они сами спрашивают, когда поедem к бабушке? А когда приедут там Оля и Даша, это вот тоже девчонки у родственников. Хоть и видимся только на Рождество, но они другу друга не забывают и вспоминают даже... поэтому, надеюсь, эта связь не разорвется» [№ 27, ж., эрзя, 41 г.]. «Собираться всей семьей на Рождество. Самые дальние родственники приезжают к нам. К моим родителям. Не пропускали еще ни разу. Как раз самые длинные выходные. Рождество ведь семейный праздник, вот мы все и собираемся». «Они [дети] уже знают и соблюдают. Так как-то само завелось у нас. Они привыкли, и думаю, и дальше будут» [№ 28, м., эрзя, 44 г.].

Важность традиций сохранения не только страны, но и семьи. «Семья – это связь. Связь не только кровная, но так скажем духовная. Важно не терять ту самую нить между тобой в настоящий момент и тогда, в прошлом. Так будет чувствоваться та самая преемственность» [№ 2, м., удм., 45 л.]. «Рассказывала, да. Вот Девятое мая, когда приходит, наступает. Ближе к этим дням все равно ведь уже в голове что-то проявляется, просыпается. Пытаешься рассказать, но они к этому еще, мне кажется, относятся не так серьезно. Но это же дети. Мы тоже такие же были... участвуют они в этом шествии. Фотографии у нас есть у двоих ветеранов со стороны папы вот. Отец папы тоже был на войне, он вообще без кисти руки вернулся. У него была красная звезда. Орден Красной Звезды, по-моему, даже. И как мне еще мама рассказывала, что он играл на мандолине, что ли и эту звезду брал с собой, орденом играл... Как они не могли ценить еще в то время, что они такие герои были...» [№ 5, ж., удм., 41 г.]. «Семья доносит, помогает... Вот

про ветеранов своих да, про то, как жили предки в то время. Она с другой стороны все преподносит. С более такой локальной [истории]» [№ 17, ж., эрзя, 43 г.]. «В семье закладываются основные качества ребенка, его характер. Поэтому вот это воспитание играет очень большую роль. Патриотизм, уважение, участие в этих праздниках, этому всему способствует семья же, вот в чем ее роль» [№ 18, ж., эрзя, 46 л.].

Блок 10. Толерантность – терпимость, патриотизм – национализм

Воспитание патриотизма и уважения к другим нациям и этносам невозможно без обращения к прошлому, истории страны, края и т. д. Формирование исторической памяти способствует развитию чувства патриотизма. Так обращаясь к конкретным примерам из исторического прошлого, семья формирует и развивает это чувство. Все информанты отметили, что необходимо формировать патриотизм и толерантность у подрастающего поколения.

«[Чувство] патриотизма. Чтобы они [дети] не говорили, что я хочу уехать в Америку, потому что там клево. Надо думать все-таки, что ты сын своей Родины. И что ты можешь сделать здесь. Главное, чтобы он любил Россию и не говорил, что это плохая страна» [№ 3, ж., удм., 42 г.]. «...Патриотизма. Все единство, да, нашей страны строится на этом. Мы вот как большая община должны защищать друг друга» [№ 4, м., удм., 47 л.]. «Мне не нравится слово “толерантность” и “терпимость”. Просто “уважение”. Просто уважать друг друга. Да, вот зачем терпеть, если он хороший человек? Его не надо терпеть. С ним просто надо хорошо общаться. Вот это слово, говорю, оно меня убивает просто. Его сейчас не в том значении используют и понимают. И уважать друг друга, ну знать традиции все мы не сможем. Мы не можем знать и уважать традиции всех народов, да, но их вон сколько. Сто девяносто семь, по-моему, в России. В Удмуртии сто тридцать или около ста тридцати. Но просто уважать и прислушиваться

там. И просто интересоваться». «Ну да, думаю, важно толерантность... Войн-то вон сколько сейчас, куда не помотришь в телевизоре, все что-то враждуют. Поэтому детей тоже надо учить и как-то не знаю... донести до них вот эту информацию». «Да, патриотизма, наверное. Патриот любит страну, любит нацию, да? Ну и получается, выше – любовь к Родине» [№ 5, ж., удм., 41 г.]. «Я бы сказала, что нужно воспитывать дружеские отношения между различными народами. Это не терпимость. Да, толерантность, но не терпимость. Мы не должны терпеть кого-то, мы должны их признать и уважать. Я так считаю» [№ 11, ж., удм., 42 г.]. «Патриотизма. Начиная как раз с любви вот... к малой родине, а потом уже масштабнее...» [№ 12, м., удм., 44 г.]. «Да, я согласна с этим, но при этом не нужно забывать свои корни. Уважай других, но и о себе не забывай» [№ 13, ж., удм., 31 г.]. «Конечно. Особенно, ну... когда вот у нас же какая многонациональная страна. Это важно. Рассказать ребенку, что всех нужно уважать, независимо от пола, расы и национальности. Сейчас, когда они просто окутаны этим Интернетом... Важно, очень важно... Патриотизма, конечно» [№ 17, ж., эрзя, 43 г.]. «Да, конечно, это так. Мы должны показывать и подавать пример своим детям. Когда в семье ты осуждаешь кого-то, другой национальности, допустим, то ведь они будут повторять за тобой. Так что сначала с родителей нужно начинать, а потом детьми заниматься». «Патриотизма. С малых лет нужно этому учить. Да даже не учить, а... как-то вот привить» [№ 19, ж., эрзя, 46 л.]. «Чувство толерантности думаю да, должно быть. Ко всем народам и религиям, без исключения», «Патриотизм он должен быть у всех. Как можно находится здесь и не любить свою Родину, не быть готовым за нее заступиться?» [№ 20, м., эрзя, 46 л.]. «...Это очень важно. Много сейчас межнациональных войн и конфликтов. Ну... знаете, даже вот в Мордовии тоже такое встретить можно. Бывали случаи. А все почему? Не воспитали, не научили». «Ну, скорее, патриотизма... тогда не будет такого...

национализма. Поэтому его [патриотизм] и нужно формировать в первую очередь родителям у своих детей» [№ 21, ж., эрзя, 36 л.].

Блок II. Роль семьи и других социальных институтов в формировании исторической памяти молодежи

Большинство информантов считают, что семья играет самую важную роль в формировании исторической памяти у молодого поколения наряду со школой. Высказываются опасения о всеобъемлющей роли Интернета, в том числе в формировании исторической памяти, однако информации очень много и семья, и школа должны направлять развитие детей и пояснять непонятную и противоречивую информацию. Информанты не забывают и о роли государства в этом процессе и отмечали, что государство манипулирует историческим сознанием.

«В первую очередь семья. Как и все остальные качества ребенка, они формируются в семье. Общество, оно только корректирует все это остальное. Если в семье не проводится вот эта вот работа, то понятно здесь уже общество как хочет, так и лепит этого человека, эту личность. Поэтому, вот, очень важно, чтобы была вот такая семья, в которой бы ребенку прививались в первую очередь моральные качества. И тогда уже никакой негатив, который с телевизора, из Интернета идет, он не испортит вот этого ребенка...» [№ 1, ж., удм., 42 г.]. «...С семьи все и начинается. Как семья поставит ребенка на первую ступень, так и будет дальше. Либо он идет и поднимается ровно, либо запинается и теряется». «Семья – это связь. Связь не только кровная, но, так скажем, духовная. Важно не терять ту самую нить между собой в настоящий момент и тогда, в прошлом. Так будет чувствоваться та самая преемственность». «Семья. Должна семья. А на деле Интернет. Семья должна направлять ребенка. А вот все остальное, что сказала да, то должно поддерживать» [№ 2, м., удм., 45 л.]. «Ну семья, она должна учить изначально основам доброты, но

они... дети, они понимают уже позже» [№ 3, м., удм., 42 г.]. «Школа, мне кажется, должна быть на первом месте. А потом семья уже» [№ 6, м., удм., 43 г.]. «Вот, на самом деле, знаете, о чем задумался, что вот те факты да, которые по радио, в Интернете, в новостях, вероятность того, что они достоверны, очень мала. Да, по одному каналу говорят так, по-другому иначе. ...Вот минусы такой информации. А семья, семья врать не будет! В этом-то и роль семьи. В обеспечении правдивой информации» [№ 8, м., удм., 60 л.]. «Семья. В семье же человек начинает говорить, слушать. Потом школа. Там уже их уму да разуму учат. Дети сейчас намного умнее своих родителей. Да и все через Интернет можно узнать и прочитать» [№ 9, ж., удм., 42 г.]. «Школа, скорее всего. Там же учат-то всему. Истории тем более...». «Семья либо ориентирует, либо, наоборот, может сбить. Навязывать свою точку зрения. Роль семьи должна заключаться только в том, чтобы помогать и более или менее воспитать» [№ 10, м., удм., 44 г.]. «Хотелось бы, конечно, чтобы [семья] главенствующую, но нет. Здесь, как я уже говорила, большую роль играет все-таки государство. Семья она больше по семейной вот этой истории» [№ 13, ж., удм., 31 г.]. «...На общем фоне, получается, да, семья она как бы является частью, что ли вот этой общей истории. Получается, история семьи в общей истории... семья просто развивает все возможности усвоения... ребенком всего этого» [№ 14, ж., удм., 36 л.]. «Семья? Если родители умные, то они всему научат, я так думаю. А если сам не знаешь, то лучше пусть в школе учат. Родители помогают только» [№ 15, ж., эрзя, 41 г.]. «Школа, скорее всего... Получается, семья тоже, как и школа, дает знания» [№ 16, м., мокша, 41 г.]. «Школа, скорее. А потом все остальное. Человек же сколько обучается. Хотя... получается, ведь учебники-то кто утверждает? Министерство образования? Значит, государство. Да. Государство. Как оно нам скажет историю изучать, так и будет» [№ 17, ж., эрзя, 43 г.]. «Важную. Семья формирует ценности, сохраняет истори-

ческую память как раз. Ну... ведь почти в каждой семье есть ветераны, благодаря им мы как раз узнаем факты тех событий и будем передавать из поколения в поколение» [№ 21, ж., эрзя, 36 л.]. «Государство у нас все формирует, это уже не секрет. Хотя что делай, государство уже давно все решило». «Семья либо ориентирует, либо наоборот, может сбить. Навязывать свою точку зрения. Роль семьи должна заключаться только в том, чтобы помогать и более или менее воспитать» [№ 24, м., эрзя, 43 г.]. «У детей, семья она как бы должна... в первую очередь сформировать вот эту семейную память. То есть память о семье, чтобы ребенок хоть немного ориентировался в ней, а уже потом отпускать его в свободное плавание и потом как-то помогать ему, если что-то не получается понять. Нужно все как-то объяснять и показывать на конкретных примерах. Как раз их можно привести из семейной жизни. Из жизни прошлых поколений» [№ 25, ж., эрзя, 46 л.]. «Государство, конечно, потом Интернет, а потом уже все остальное, школа и семья где-то в конце». «Конечно, и в первую очередь память семьи. Для того, чтобы в конечном итоге не потерять самобытность семьи. Если ничего не будет передаваться из поколения в поколение, то все может вот, как пыль, исчезнуть». «Хотелось бы, конечно, чтобы главенствующую, но нет. Здесь, как я уже говорила, большую роль играет все-таки государство. Семья она больше по семейной вот этой истории» [№ 27, ж., эрзя, 41 г.]. «...Все-таки государство, без вмешательства государства ни один процесс у нас не протекает, не происходит. Манипулирование происходит... конечно же, в пользу государства. Вот показать, что мы помним, мы гордимся. Вот этот парад же тоже, получается, историческая память? Но мы же не стране своей показываем вот эту военную технику, а другим странам. Чтобы они переживали. Хотя вот, я считаю, это неправильным, такие деньги... там же просто миллионы, если не миллиарды. А ведь страна и так вон, сколько всего, у нас... то пенсии, то зарплаты маленькие. Ну зато по-

казываем, что и у нас есть историческая память. Может, это и хорошо, с одной стороны, чтобы вот как раз подрастающему поколению показать. “Бессмертный полк” тоже очень важно. Но это в честь должно быть, а... не для кого-то». «Важно [семья]. Потому что семейные традиции они намного... важнее. Семья – это же ячейка общества. Ну и получается вот, в каждой ячейке есть что-то свое». «Семья важную роль играет. Она... воспитывает личность. Поведение. Получается, в кругу семьи тоже формируется эта память» [№ 28, м., эрзя, 44 г.].

Блок 12. Понимание исторической памяти

(на сколько ее формирование важно в современном обществе)

При формировании исторической памяти семья должна учитывать многонациональность нашей страны и воспитывать детей в духе уважения других этносов и их культур. Во многом оттого, как семья относится к данным вопросам, будут зависеть отношение к этой проблеме следующих поколений и в целом историческая память.

«Память о прошлом. Это ритуалы какие-то, традиции и язык. Память о прошлом страны, семьи, возможно» [№ 4, м., удм., 47 л.]. «...Помнить историю своей страны, знать свои корни, откуда ты возник... это вот все, что мы изучаем в этом тоже история. Все вместе как-то» [№ 5, ж., удм., 41 г.]. «Историческая память – это, ну в первую очередь это традиции... обычаи, национальная культура... что нужно сохранять. Память о наших предках. Ну история страны. Это то, что объединяет нас. То, что как бы отличается от других» [№ 7, ж., удм., 57 л.]. «Историческая память... это память, которая связана с историей семьи, страны, республики... она через вот эти традиции и передается. Через изучение языка, вот, своей родословной» [№ 9, ж., удм., 42 г.]. «Историческая память – это история. Ну вот история не только в масштабах... но и такая локальная... история не только нашей страны, мира, а, получается, история региона, города, да даже самой

маленькой деревни» [№ 17, ж., эрзя, 43 г.]. «Историческая память – это память о прошлом. История. История страны. Вот ее формируешь, и формируется потом как раз вот этот патриотизм или национализм. Вот, получается, от нее все и зависит» [№ 18, м., эрзя, 46 л.]. «Историческая память – это история, это поддержание той истории нашей страны, может быть даже нашей республики. Это возможно язык наш, наши какие-то костюмы и праздники. Вот получается все то, что создает историю, которую мы пытаемся сохранить» [№ 19, ж., эрзя, 46 л.]. «Память о прошлых поколениях, которые проживали на этой территории... Это как образ жизни, скорее. Вот эта историческая память. Образ мышления даже» [№ 27, ж., эрзя, 41 г.].

Заключение

Таким образом, мы можем сделать следующие выводы.

Историческая память, являясь сложным социокультурным феноменом, формируется под воздействием микро- и макросреды. Макросреда характеризуется сменой исторических эпох, социально-экономическим, культурным и политическим развитием общества. Микросреда представляет собой ближайшее окружение индивида (родные, друзья) и социальные институты, с которыми он взаимодействует в повседневности. Именно в семье находятся истоки приобщения индивида к социальному опыту прошлого, формируются родовое, этническое самосознание, любовь к малой родине, к ее прошлому. Используя определенные механизмы воздействия, семья еще на начальных этапах развития личности передает знания прошлых поколений, прививает индивиду конкретные ценности и убеждения, тем самым предопределяя его дальнейшее поведение.

Нами было выявлено, что основными механизмами передачи семейной исторической памяти являются семейные истории (рассказы), а также соблюдение семейных практик и традиций. Кроме того, в семьях есть семейные архивы, хранятся фотоальбомы, документы, различные реликвии, которые отражают опыт прошлых

поколений. По мнению информантов, в семьях нечасто обращаются к альбомам и документам.

Основным базовым событием семейной памяти выступает Великая Отечественная война, затронувшая каждую семью, именно о ней в большей степени рассказывается в семейных историях, имеются документы (свидетельства о рождении, письма, «похоронки», наградные удостоверения и т. д.) и реликвии (награды), которые передаются из поколения в поколение. Большинство информантов участвуют в акции «Бессмертный полк» со своими детьми. Ряд семей указывали на участие родных в чеченской и афганской войнах. Это событие также является биографическим фактором семьи, но не в больших масштабах. Все информанты отметили, что гордятся своими родными, имеющими боевое прошлое.

Интерес к истории рода, фамилии ставится информантами выше, чем интерес к малой родине, истории своего этноса. Многие говорили, что составляли генеалогическое древо своего рода вместе с детьми, обращаясь к семейному архиву (фотографиям, документам). В целом, можно отметить и в мордовских и в удмуртских семьях возрастание интереса к родословной, что можно объяснить всевозможными ресурсами и сервисами в сети Интернет по выяснению происхождения фамилии и составлению генеалогического древа.

В отношении сохранения этнической идентичности у детей, мнения информантов разделились. Часть из них считает, что необходимо развивать в ребенке этническую идентичность, чтобы сохранить национальные традиции и родной язык. Другая часть подчеркивает, что этническая принадлежность остается лишь в документах, а в жизни уже никто не обращает на это внимание, тем более большинство семей смешанные, что приводит к размыванию этнических особенностей.

В удмуртских семьях отмечалось большее знание этнических традиций и праздников, чем в мордовских. В удмуртских семьях упоминались праздники «Ворекьян», «Гырон быдтон» (сбор урожая), «Гербер», «Вьль жук» (Ильин день) и нацио-

нальные блюда. В мордовских семьях назывались этнические традиции, свадебные и похоронные обряды, колядки на Рождество, собирание яиц на Пасху, посещение кладбища на Троицу, национальные блюда.

В качестве наиболее посещаемых мест памяти большинство информантов отметили храмы, кладбище, мемориал «Вечный огонь», площадь (посещение парада и просмотр салюта). Также упоминались отдельные информантами посещение всей семьей с. Большое Болдино, музея им. С. Д. Эрьзи (г. Саранск), комплекса «Родина-Мать зовет» (г. Волгоград), музея им. М. Т. Калашникова (г. Ижевск), краеведческого музея (г. Ижевск). Информанты указывали, что отмечают всей семьей как общенародные и государственные праздники – 9 мая, Новый год, День России, День народного единства, День Города, День села, так и церковные – Рождество, Пасху, Троицу, День Казанской Божьей Матери, День Петра и Февроньи и др.

Праздник 9 мая, по мнению информантов, является одним из главных событий в нашей стране, он имеет свою интерпретацию в семьях, где есть родные, пережившие военное время (ветераны, работники тыла, дети войны и все те, кто имеет прямое отношение к этой дате). Мы считаем, чем больше масштаб всероссийского праздника, тем больше он будет распространен в контексте семейных практик.

Свои знания по истории России большинство информантов оценивают как высокие и средние (в плане помогать своим детям осваивать эти знания, делиться ими), а по истории края, республики и этноса как низкие. Несмотря на недостаточный уровень знаний по истории своего этноса, информанты, как правило, отмечают, что изучение истории этноса, соблюдение этнических традиций, знание языка являются основой для сохранения самобытности этносов и их культуры. Было озвучено и то, что, забывая традиции, можно утратить самобытность, те особенности этноса, которые накапливались десятилетиями.

Семейному аспекту исторической памяти в финно-угорских семьях уделяет-

ся большее внимание, чем региональному (этническому) или федеральному. Семейная память всегда пересекается с исторической, поскольку не существует истории семьи вне истории общества. Согласно сведениям информантов, знания о корнях своей семьи являются основой понимания смысла существования, адаптации к социальной среде. При этом поддерживаются связи и преемственность между поколениями, что позволяет говорить о том, что семейная память находится в состоянии динамики и не подвергается забвению.

Наибольшую роль в формировании исторической памяти подрастающего поколения, как говорят большинство информантов, играют семья и школа.

Масштабные исторические события (Великая Отечественная война и др.) включены в хронологию развития каждой семьи. Гордясь своими предками, участниками войны, в знак памяти и благодарности члены семьи посещают памятные места («Вечный огонь», монументы Славы, братские могилы, кладбища и т. д.), ходят на парад Победы и участвуют в акции «Бессмертный полк», передают рассказы старших об этих событиях молодому поколению. Следовательно, семья формирует определенные традиции отношения к историческому событию, благодаря чему историческая память функционирует. При этом происходят передача и сохранение не только семейной, но и национальной, этнической культуры.

Основным каналом передачи исторической информации из поколения в поколение являются устные семейные рассказы представителей семьи разных поколений. У информантов наблюдаются выраженный интерес и проявление инициативы к изучению истории семьи, происхождению фамилии, генеалогического древа, родного этноса. Можно говорить о том, что они сами активно используют данную практику передачи знаний о семье. В подтверждение одной из гипотез нашего исследования вся информация об опыте прошлого семьи передается устным путем, через семейные истории.

Уровень владения информацией об истории семьи, малой родины, родного края, этноса зависит от уровня образования информантов. Оказалось, что свободно владеют информацией об истории страны, этноса и семьи (включая историю происхождения фамилии и самого рода) те, чей уровень образования выше. Политика памяти (политика государства) в отношении тех или иных исторических событий усиливает или ослабляет (при политике деактуализации) память о них. Никто из информантов не отметил, что деды или прадеды участвовали в Первой мировой войне. Видимо, в связи с тем, что в советский период события Первой мировой войны и все, что с ней было связано, предавались забвению и оценивались негативно – как события царской России, буржуазной истории

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Алексеев А. Н. Память семейная и историческая: точки пересечения и разрывы // Телескоп: журн. социол. и маркетинг. исслед. 2007. № 4. С. 49–50.
2. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Москва: КАНОН-пресс-Ц; Кучково поле, 2001. 286 с.
3. Ассманн Я. Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. Москва: Языки славянской культуры, 2008. 363 с.
4. Бадмаев В. Н. Ментальность и историческая память // Вестник Калмыцкого университета. 2012. Вып. 1 (13). С. 78–84.
5. Барг М. А. Эпохи и идеи. Становление историзма. Москва: Мысль, 1987. 348 с.
6. Белова Е. В., Крисанов А. А. Социальная динамика семейной исторической памяти студентов // Дискуссия. 2015. № 9 (61). С. 54–63.
7. Бобкова М. С. «Historia pragmata». Формирование исторического сознания новоевропейского общества. Москва: ИВИ РАН, 2010. 329 с.
8. Бульгина Т. А., Кожемяко Т. Н. Историческая память и юбилеи в России в XX–XXI вв. // История и историческая память. 2012. Т. 6, № 6. С. 63–76.
9. Глушкова С. А. Роль семьи в межпоколенной трансляции родного языка и фор-

- мировании этнической идентичности // Гуманитарий Юга России. 2017. № 6. С. 132–139.
10. Головашина О. В. Темпоральный подход к исследованию социальной памяти // Вестник Тамбовского университета. 2015. № 2. С. 26–35.
 11. Горин И. Н., Меншиков В. В. Культурно-исторические символы и историческая память // Историко-педагогические чтения. 2007. № 11. С. 74–78.
 12. Дмитриева О. О. Историческая память и механизмы ее формирования: анализ историографических концепций в отечественной науке // Вестник Челябинского государственного университета. 2015. № 6 (361), вып. 63. С. 132–137.
 13. Иванова С. Ю. Семья как сфера формирования патриотических установок молодежи и сохранения исторической памяти // Гуманитарные и юридические исследования. 2014. № 2. С. 129–134.
 14. Кулиш В. В. К характеристике исторической памяти учащейся молодежи // Образование и общество. 2012. № 3 (50). С. 42–46.
 15. Ле Гофф Ж. История и память / [пер. с фр. К. З. Акопяна]. Москва: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2013. 303 с.
 16. Левада Ю. А. Историческое сознание и научный метод // Философские проблемы исторической науки. Москва, 1984. С. 191–193.
 17. Леонтьева О. Б. Историческая память и образы прошлого в российской культуре XIX – начала XX в. Самара: Книга, 2011. 448 с.
 18. Лотман Ю. М. Семиосфера. Культура и взрыв. Внутри мыслящих миров. Статьи. Исследования. Заметки. Санкт-Петербург: Искусство СПб., 2001. 703 с.
 19. Мажников В. И. Историческая память о сталинградской битве как фактор формирования межнациональной толерантности // Вестник Волгоградского государственного университета. 2013. Сер. 4. № 1 (23). С. 8–13.
 20. Мазур Л. Н. Образ прошлого: формирование исторической памяти // Известия Уральского федерального университета. Гуманитарные науки. 2013. № 3. С. 243–256.
 21. Нора П. Франция – память. Санкт-Петербург: Изд-во Санкт-Петербург. ун-та, 1999. 328 с.
 22. Омельченко Е. Л., Андреева Ю. В. Что остается в семейной истории: память о советском сквозь разговор трех поколений // Социологические исследования. 2017. № 11. С. 147–156.
 23. Покида А. Н., Зыбуновская Н. В. Динамика исторической памяти в российском обществе (по результатам социологического мониторинга) // Социологические исследования. 2016. № 3. С. 98–107.
 24. Положенцева И. В., Кашенко Т. Л. Феномен исторической памяти и актуализация личной исторической памяти студентов // Власть. 2014. № 12. С. 42–46.
 25. Путятин Т. П. Формирование исторического сознания школьной молодежи в условиях трансформации российского общества: автореф. дис. ... канд. социол. наук. Москва, 2017. 23 с.
 26. Репина Л. П. Историческая наука на рубеже XX–XXI веков. Москва: Кругъ, 2011. 559 с.
 27. Рикер П. Память, история, забвение: пер. с фр. Москва: Изд-во гуманитар. лит., 2004. 725 с.
 28. Саралиева З. Х., Балабанов С. С., Куконков П. И. Историческая память поколений // Россия реформирующаяся: Ежегодник–2010. Москва: Новый Хронограф, 2010. Вып. 9. С. 325–338.
 29. Тощенко Ж. Т. Историческое сознание и историческая память. Анализ современного состояния // Новая и новейшая история. 2000. № 4. С. 3–15.
 30. Филоненко В. И., Штомпель Л. А., Штомпель О. М. Культурные аспекты исторической памяти российских студентов // Власть. 2016. Т. 24, № 9. С. 155–163.
 31. Хальбвакс М. Коллективная и историческая память // Неприкосновенный запас. 2005. № 2–3 (40–41). С. 8–28.
 32. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти / пер. с фр. и вступ. ст. С. Н. Зенкина. Москва: Новое изд-во, 2007. 348 с.
 33. Шеуджен Э. А. «Места памяти»: модная дефиниция или историографическая практика? // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. 1. Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2012. № 1. С. 60–68.

Поступила 26.08.2019, опубликована 23.03.2020

HISTORICAL MEMORY IN FINNO-UGRIC FAMILIES OF MORDOVIANS AND UDMURTS (based on the analyses of family histories)

Tatiana M. Dadaeva,

*Doctor of Sociology, Professor, Department of Sociology,
National Research Mordovia State University
(Saransk, Russia), dadaeva13@mail.ru*

Vladislav N. Motkin,

*Candidate Sc. {Sociology}, Leading Research Fellow,
Sociopark «NTSSEM»
(Saransk, Russia), vlad.motkin@mail.ru*

Introduction. Historical memory determines a person's attitude towards the country, towards their people, ethnic group, and other groups with which they identify themselves with. The formation of historical memory involves not only the state, which is interested in fostering a sense of patriotism and citizenship in the young generation, but also such social institutions as the family, school, University, media, etc. Family attaches the individual to the social experience of the past, as it lays the foundation of the individual forms of self-awareness, love for the homeland, and its past. Family memory is part of historical memory, because there is no family history outside the history of the country.

Materials and methods. The article presents an analysis of sociological qualitative research of semi-structured interviews in order to identify the role of the family in the process of forming the historical memory of young people in the Finno-Ugric families of Mordovians and Udmurts. 28 interviews were conducted (14 Mordovian and 14 Udmurt families were interviewed). The research included the study of the main mechanisms, factors and features of the formation of historical memory in the Finno-Ugric families of Mordovians and Udmurts.

Research and Discussion. It was revealed that the main mechanisms for transmitting family memory to the younger generation are family stories, observance of a certain family, ethnic traditions, commemorative practices, etc. The central event of historical memory in the families of Mordovians and Udmurts is the Great Patriotic war, which affected every family. Most of the informants participate in the action «Immortal regiment». The interest in the history of the family, the family name is higher than interest in the homeland, the history of their ethnic group. In Udmurt families, there was a better awareness of ethnic traditions and holidays than in Mordovian ones. The most visited places of memory are churches, cemeteries, and the Eternal fire memorial.

Conclusion. The family aspect of historical memory is given more attention in the Finno-Ugric families of Mordovia and Udmurts than the regional (ethnic) or Federal one. Most respondents believe that family and school play a crucial role in shaping the historical memory of the younger generation.

Key words: historical memory; Finno-Ugric families; Mordva; Udmurts; family memory; family stories; memory nodes; places of memory.

Acknowledgments: The research was carried out with the financial support of Russian Foundation of Basic Research, project No. 18-411-130004 p_a "The role of historical memory in the construction of the general civic identity of the youth: regional aspect".

For citation: Dadaeva TM, Motkin VN. Historical memory in Finno-Ugric families of Mordovians and Udmurts (experience in analyzing of family histories). *Finno-ugorskii mir* = Finno-Ugric World. 2019; 11; 4: 414–436. (In Russian)

REFERENCES

1. Alekseev AN. Family and historical Memory: points of intersection and breaks. *Teleskop* = Telescope. 2007; 4: 49–50. (In Russian)
2. Anderson B. Imagined communities = Voobragenie soobchestva. Moskva; 2001. (In Russian)
3. Assmann Ya. Cultural memory. Writing, memory of the past and political identity in the high cultures of antiquity. Moskva; 2004. (In Russian)
4. Badmaev VN. Mentality and historical memory. *Vestnik Kalmyckogo universiteta* = Bulletin of Kalmyk university. 2012; 1; 13: 78–84. (In Russian).
5. Barg MA. Eras and ideas. The formation of historicism. Moskva; 1987. (In Russian)
6. Belova EV, Krisanov AA. Social dynamics of students family historical memory. *Diskussia* = Discussion. 2015; 9; 61: 54–63. (In Russian)

7. Bobkova MS. "Historia pragmata". Formation of the historical consciousness of the new European society. Moskva; 2010. (In Russian).
8. Bulygina TA, Kozhemyako TN. Historical memory and anniversaries in Russia in the XX–XXI centuries. *Istoriia i istoricheskaia pamat* = History and historical memory. 2012; 6; 6: 63–76. (In Russian)
9. Glushkova SA. The Role of the family in the intergenerational translation of the native language and the formation of ethnic identity. *Gumanitarii Uga Rossii* = Humanities of the South of Russia. 2017; 6: 132–139. (In Russian)
10. Golovashina OV. Temporal approach to the study of social memory. *Vestnik Tambovskogo universiteta* = Bulletin of Tambov University. 2015; 2: 26–35. (In Russian)
11. Gorin IN, Menshikov VV. Cultural and historical symbols and historical memory. *Istoriiko-pedagogicheskie chteniia* = Historical and pedagogical readings. 2007; 11: 74–78. (In Russian)
12. Dmitrieva OO. Historical memory and mechanisms of its formation: analysis of historiographic concepts in Russian science. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* = Bulletin of the Chelyabinsk state University. 2015; 6; 361; 63: 132–137. (In Russian)
13. Ivanova SYu. Family as a sphere of formation of Patriotic attitudes of youth and preservation of historical memory. *Gymanitarnye i uridicheskie issledovaniia* = Humanitarian and legal research. 2014; 2: 129–134. (In Russian).
14. Kulish VV. By the characteristics of the historical memory of students. *Obrazovanie i obchestvo* = Education and society. 2012; 3; 50: 42–46. (In Russian).
15. Le Goff J. History and memory. Moskva; 2013. (In Russian).
16. Levada YuA. Historical consciousness and scientific method. *Filosofskie problemy istoricheskoi nauki* = Philosophical problems of historical science. Moskva; 1984: 191–193. (In Russian).
17. Leontieva OB. Historical memory and images of the past in Russian culture of the XIX – early XX century. Samara; 2011. (In Russian).
18. Lotman YM. Universe of the Mind. Culture and explosion. Inside the thinking worlds. Articles. Researches. Notes. Sankt-Peterburg; 2001. (In Russian).
19. Mazhnikov VI. Historical memory about the battle of Stalingrad as a factor of interethnic tolerance. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 4. Istoriia. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniia* = Science Journal of VolSU. Ser. 4. History. Regional Studies. International Relations. 2013; 1; 23: 8–13. (In Russian).
20. Mazur LN. Image of the past: formation of historical memory= *Obraz proshlogo: formirovanie istoricheskoi pamyati*. Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnie nauki = Proceedings of the Ural Federal University. Humanities. 2013; 3: 243–256. (In Russian).
21. Nora P. France-memory. Sankt-Peterburg; 1999. (In Russian).
22. Omelchenko EL, Andreeva YuV. What remains in family history: the memory of the Soviet Union through the conversation of three generations. *Socis. Sociologicheskie issledovaniia* = Sociological research. 2017; 11: 147–156. (In Russian).
23. Pokida AN, Zibunovskay NV. Dynamics of historical memory in Russian society (based on the results of sociological monitoring). *Socis. Sociologicheskie issledovaniia* = Sociological research. 2016; 3: 98–107. (In Russian).
24. Polozhentseva IV, Kashchenko TL. The concept of historical memory and actualization of personal historical memory of the students. *Vlast* = The Authority. 2014; 12: 42–46. (In Russian).
25. Putyatina TP. Formation of historical consciousness of school youth in the conditions of transformation of Russian society. Abstract of. dis. ... Cand. of Sociol. Sci. Moskva; 2017. (In Russian).
26. Repina LP. Historical science at the turn of XX–XXI centuries. Moskva; 2011. (In Russian).
27. Ricoeur P. Memory, history, oblivion. Moskva; 2004. (In Russian).
28. Saralieva ZH, Balabanov SS, Kukonkov PI. Historical memory of generations. *Rossiiia reformiruiushchaisia: ezhegodnik* = Russia reforming. Yearbook. 2010; 9: 155–163. (In Russian).
29. Toschenko ZhT. Historical consciousness and historical memory. Analysis of the current state. *Novaia i noveishaia istoriia* = New and recent history. 2000; 4: 3–15. (In Russian).
30. Filonenko VI, Shtompel LA, Shtompel OM, Ponedelkova AV. Cultural Aspects of the Russian Students' Historical Memory. *Vlast'* = The Authority. 2016; 24; 9: 155–163. (In Russian).
31. Halbwachs M. Collective and historical memory. *Neprikosnovennyi zapas* = Inviolable reserve. 2005; 2–3; 40–41: 8–28. (In Russian).
32. Halbwachs M. The social frameworks of memory. Moskva; 2007. (In Russian).
33. Sheudzhen EA. "Memory places": a fashionable definition or historiography practice? *Vestnik Adygeiskogo universiteta. Ser. 1. Regionovedenie, filosofiia, istoriia, sociologiia, urispydenciia, politologiia, kultyrologiia* = Vestnik Adyghe State University. Ser. 1. Regional studies: philosophy, history, sociology, law, political science, cultural studies. 2012; 1: 60–68. (In Russian).

Submitted 26.08.2019, published 23.03.2020